

Опьянение

Следующие три дня прошли в полном спокойствии.

Се Юй окончательно обосновался в жилом комплексе «Счастье». Казалось, и Шэнь Цы, и Се Юаньхай напрочь о нем забыли — никто не тревожил его покой. Жизнь текла размеренно, однако молодой человек прекрасно понимал: в это самое время две корпорации уже несколько раз схлестнулись в невидимом бою.

После внезапной смерти Се Юаньшаня вопрос о праве собственности на акции повис в воздухе. Пока Се Юаньхай метался, пытаясь удержать ускользающую власть, Шэнь Цы, пользуясь поддержкой Ло Шао, методично переманивал к себе старых клиентов корпорации «Се».

На первый взгляд Цзянчэн казался тихим омутом, но в его глубинах бушевали нешуточные штормы. Се Юй догадывался: противник до сих пор не пришел за его головой лишь потому, что Се Юаньхай надежно связал ему руки.

Эта передышка была Се Юю только на руку. Он проводил время словно в отпуске: по утрам ходил за продуктами, днем гулял в парке, наблюдая, как старики играют в карты или ловят рыбу, после обеда спал, а вечера коротал за играми или телевизором. Его распорядок дня стал даже более упорядоченным, чем у пенсионеров.

Он и не подозревал, что в пустующую соседнюю квартиру въехал новый жилец.

Жилой комплекс «Счастье» строился еще в прошлом веке как социальное жилье. Дома стояли вплотную друг к другу, а звукоизоляция оставляла желать лучшего, так что с соседнего балкона было очень легко заметить любое движение.

За эти три дня Шэнь Цы увидел совершенно другого Се Юя.

Хотя они прожили бок о бок больше полугода, тогда тот был высокомерным наследником корпорации «Се». Он жил в отелях, водил роскошные машины, носил баснословно дорогие часы. Его окружала свита из водителей и врачей, и он никогда не знал забот. Шэнь Цы мог лишь мельком уловить за этой маской искры подлинной доброты, но они казались призрачными, словно цветы в тумане.

Шэнь Цы и представить не мог, что Се Юй способен на такое.

Ежедневно в одиннадцать утра за стеной оживала плита. Надев фартук с медвежонком, юноша мастерски орудовал лопаткой.

Когда его сосед увидел это впервые, он не на шутку разволновался. Он боялся, что изнеженный молодой господин, никогда не державший в руках ничего тяжелее бокала, обожжется или устроит пожар. Однако движения Се Юя были уверенными и легкими: он виртуозно обращался с маслом, шинковал мясо с небрежным изяществом — сразу было видно профи.

В детстве Шэнь Цы тоже часто готовил. Тогда, в деревне, он был еще ниже печи и, приподнимаясь на цыпочках, подбрасывал дрова в огонь. Он считал себя опытным работником.

Но, понаблюдав за молодым господином, он был вынужден признать: Се Юй готовит лучше.

Для него кулинария была сродни искусству. Напевая под нос, Се Юй за три дня ни разу не повторился: каждый обед состоял из сложных блюд вроде рыбы на пару или жареной утки. Никакой халтуры.

Каждый раз в час обеда аппетитные ароматы — смесь имбиря, чеснока и сладковатого запаха жареного мяса — проникали через окно, наполняя весь дом уютom обжитого места.

Иногда, если еды оказывалось слишком много, Се Юй спускался во двор покормить котов. Когда предзакатное солнце переставало слепить, он выносил смесь мелко порубленного мяса и потрохов на блюдце, оставлял его у скамейки и ложился немного отдохнуть.

В «Счастьи» обитало около двух десятков бездомных кошек. Стоило им учуять угощение, как они со всех ног неслись к знакомому месту. Поначалу они дичились Се Юя, но через пару дней, наевшись досыта, уже всю терлись о его штанины и засыпали рядом.

Породистых среди них не было — обычные дворовые коты, в основном рыжие, пушистые и упитанные. Они лениво вылизывались поблизости, а Се Юй, растекшись по скамье, то и дело рассеянно почесывал их за ушами. Шэнь Цы не удержался и тайком сфотографировал эту сцену из окна.

На снимке заходящее солнце окрасило всё вокруг в теплые тона: котов, скамейку, даже облупившиеся стены старого дома. Всё казалось пронизанным нежностью и теплом, мягким, как пушистый живот рыжего кота. А юноша на скамье выглядел настолько безмятежным, что казалось — если обнять его, можно почувствовать запах солнечного света.

Се Юй выходил к котам как раз тогда, когда Шэнь Цы заканчивал работу. Пока Се Юй полчаса дремал на скамейке, Шэнь Цы все эти полчаса наблюдал за ним из-за шторы. Его сердце наполнялось странным, незнакомым чувством — покоем и тишиной.

С тех пор как пять лет назад они расстались, Шэнь Цы, ворочаясь по ночам, часто ловил себя на иллюзии: ему казалось, что Се Юй вот-вот протянет руку и прижмет его к себе, и жар его тела передастся через тонкую ткань одежды.

Шэнь Цы привык спать один, но за те полгода Се Юй силой заставил его привыкнуть к совместному сну. Разум сопротивлялся, но тело помнило. Даже спустя годы в полночных снах оно тосковало по тем объятиям, хотя со временем это чувство и притупилось.

А теперь оно вернулось с новой силой. Кончики его пальцев непроизвольно подергивались — ему отчаянно хотелось подойти, обнять этого человека и вдохнуть аромат солнца.

Но в то же время он чувствовал растерянность.

Неужели Се Юй всегда был таким?

В Цзянчэне о старшем молодом господине Се ходило столько слухов: говорили, что он груб, склонен к насилию, вспыльчив и совершенно неуправляем. Но никто никогда не упоминал, что Се Юй великолепно готовит и любит кормить уличных котов.

Как в одном человеке может ужиться столько граней? Чем ближе Шэнь Цы узнавал его, тем сильнее привязывался.

Чужое мнение можно подделать, но поведение наедине с собой не лжет. Слухи о «безумном тиране» оказались ложью, а нежность и добродушие — истиной. И если Се Юй действительно проявлял когда-то агрессию, то лишь потому, что...

Он был болен. У него было биполярное аффективное расстройство.

Шэнь Цы вспомнил ту длинную научную работу, и его ладони невольно сжались в кулаки:

«Причины БАР сложны, а проявления многогранны. Во время приступа пациент становится совершенно неузнаваемым. Методов лечения немного, и болезнь практически неизлечима — можно лишь облегчить симптомы».

Се Юй и понятия не имел о душевных метаниях соседа, как и о том, что тот уже поставил ему диагноз «псих в терминальной стадии». Он провел три дня в добром здравии и прекрасном расположении духа, пока не наступила дата, обведенная в календаре.

В этот день он встал ни свет ни заря и переоделся в строгий черный костюм.

Прежний Се Юй предпочитал вычурный стиль: обожал яркие цвета и сложные узоры от кутюр. Сам же Се Юй привык к спортивному стилю и свободным вещам, так что этот костюм ему пришлось долго выкапывать из недр старого шкафа.

Система сгорала от любопытства, не понимая, что задумал её подопечный. Увидев, как Се Юй кладет в рюкзак три бутылки спиртного, она засыпала его вопросами:

[Что ты затеял? Собираешься мастерить коктейли Молотова?]

— Буду пить, — лаконично ответил Се Юй.

Этот алкоголь он купил заранее. Он просто выбрал самые дорогие бутылки на полке супермаркета, не глядя ни на цену, ни на крепость.

[Се Юй, я тебя предупреждаю: с этим в метро не пустят]

— Поедем на такси.

Сказано — сделано. Он вызвал машину через приложение. 006, подлетев поближе, замерла в изумлении:

[Кладбище... Цюншань?]

У других систем подопечные ходят по элитным чайным, роскошным отелям и закрытым клубам, а её герой — то в дурдом, то в трущобы, то на кладбище в пригороде.

[Зачем нам туда?!]

Се Юй закинул рюкзак на плечо и небрежно бросил:

— Помнишь ту сцену, где оригинальный Се Юй напился в стельку, вызвал Шэнь Цы в больницу и устроил ему форменный допрос с пристрастием?

[Кажется, было что-то такое...]

— Тогда мне это показалось странным. Оригинал обожал шумные компании, на любой вечеринке его окружала толпа прихлебателей. С его статусом он никогда не оставался в одиночестве. Так почему же в тот раз он пил один? — Се Юй тихо вздохнул. — Похоже, это был день смерти его матери.

Система была искусственной формой жизни, и Се Юй стал её первым хозяином. Ей были чужды сложные человеческие чувства. После недолгой паузы она растерянно спросила:

[Ты идешь навестить могилу?]

— Я пользуюсь плодами её трудов, живу в её квартире. К тому же она очень напоминает мне мою собственную мать. Будет правильно, если я схожу.

Кладбище Цюншань находилось на окраине Цзянчэна, примерно в сорока минутах езды. Оно располагалось неподалеку от Психиатрической больницы «Циншань» — их разделяла лишь гора.

Психиатрические лечебницы обычно строят в глуши, но Сюй Циншань выбрал это место еще и для того, чтобы быть поближе к сестре.

В тот день моросил мелкий дождь, воздух был пропитан прохладой, но Се Юю в одном костюме холодно не было.

Сегодня не было официального праздника поминовения предков, поэтому людей на кладбище почти не оказалось. Се Юй купил у входа букет белоснежных маргариток и нашел могилу матери оригинала под старой сосной на склоне холма.

Перед памятником уже лежал букет маргариток и виднелись следы пепла — видимо, Сюй Циншань уже успел здесь побывать.

Се Юй смахнул пыль с надгробия. Это была скромная одиночная могила. Се Юаньшань при жизни не отличался теплыми чувствами к жене, их отношения были полны раздоров, так что хоронить их вместе не планировали.

На памятнике было имя — Сюй Цинпин — и черно-белая фотография. Женщина на снимке обладала мягкими чертами лица и безмятежно улыбалась. Стоило Се Юю взглянуть на неё, как у него перехватило дыхание.

Он коснулся пальцами холодного камня и горько усмехнулся.

Они были невероятно похожи. Два разных мира, совершенно разные судьбы, но столько общих черт.

Се Юй закончил уборку и присел рядом. Он достал из рюкзака бутылку, выплеснул половину на землю, пробормотал несколько традиционных слов молитвы и, прислонившись к стволу сосны, начал пить прямо из горла.

[Ты серьезно?!] — ахнула Система.

Все три бутылки были с крепчайшим спиртным.

— Вряд ли мне удастся прийти сюда еще много раз, — негромко ответил Се Юй.

Женщина, безмятежно улыбаясь с фотографии, никогда не узнает, что её сокровище — её единственный ребенок — давно исчез. На его месте теперь гость из другого мира. Она не узнает и того, что эта история близится к финалу, и даже этот гость скоро покинет эти края.

Когда это случится, в мире не останется никого по имени Се Юй. И, кроме Сюй Циншаня, больше никто не принесет белых цветов к её изголовью.

Се Юй стер капли дождя с фотографии и, не отрывая взгляда от этого доброго лица, с горечью прошептал:

— Если бы она знала, что натворил её сын, ей было бы очень больно.

У такой нежной матери ребенок свернул на столь скользкий путь, закончив жизнь в бесчестии и нищете.

[Хозяин...]

Когда на душе тяжело, алкоголь льется рекой. Система видела, как он осушает стакан за стаканом, но не решалась мешать. Когда одежда и волосы Се Юя окончательно вымокли под дождем, он, пошатываясь, поднялся, опираясь на сосну. Он был уже изрядно пьян.

[Как мы будем возвращаться?! — забила тревогу Система. — Осторожно, ступеньки!]

Кладбище находилось в глуши, такси сюда не доезжало. Ближайшая автобусная остановка была километрах в семи-восьми. В таком состоянии Се Юй рисковал рухнуть на полпути.

— Дойду до больницы, — пробормотал он. — Переночую там.

В конце концов, по сюжету он и так должен был провести там ночь.

Система вывела карту на виртуальный экран:

[Хорошо. До больницы «Циншань» три километра. Ориентировочное время в пути — сорок шесть минут. Я проложила маршрут... Хозяин! Ступеньки!]

Кладбище было вырублено в склоне горы, так что весь путь состоял из лестниц. Се Юй, вцепившись в перила, замер, пытаясь унять головокружение. Он и впрямь перебрал.

На вкус алкоголь казался легким, но его действие оказалось сокрушительным. Пока он сидел, всё было терпимо, но стоило встать, как мир вокруг пустился в пляс, окончательно лишив его ориентации в пространстве.

Вообще-то Се Юй рассчитывал свои силы. Пять лет назад такое количество алкоголя не стало бы для него проблемой. Но за годы учебы за границей он почти не ходил по вечеринкам — разве что готовил пару блюд для друзей под пару бутылок пива. Он уже целую вечность не пил ничего крепче.

Электронное сердце Системы ушло в пятки. На каждой ступеньке она внутренне содрогалась. К счастью, Се Юй, хоть и напоминал сейчас пьяного кота, умудрялся сохранять равновесие и в последний момент находил опору.

Когда они наконец выбрались к воротам кладбища, 006 была близка к инфаркту. Она дрожащим голосом предложила:

[Хозяин, может, хватит геройствовать? Давай я позвоню Сюй Циншаню, пусть он тебя заберет. Я сейчас же...]

Она осеклась на полуслове. Её виртуальные зрачки сузились, а электронное сердце бешено заколотилось.

У ворот кладбища кто-то стоял.

Молодой человек под зонтом.

На безлюдном кладбище под дождем стоял черный «Бентли» с включенными фарами. У машины замер мужчина в черном длинном тренче и свитере с высоким горлом. Видно было, что он здесь давно: полы его плаща намокли. Он держал зонт и не сводил взгляда с выхода.

Система была готова взорваться от ужаса.

[Хо-хо-хозяин! Шэнь... Шэнь Цы! Это Шэнь Цы, а-а-а-а! Что он здесь делает?!]

От её воплей у Се Юя разболелась голова. Он с трудом сфокусировал взгляд своих янтарных глаз на фигуре впереди. На его лице отразилось полное недоумение — он явно не понимал, из-за чего паникует Система.

Шэнь Цы окинул взглядом промокшую одежду Се Юя и холодно спросил:

— Если бы я не приехал, как бы ты добирался обратно?

В такую холодину, насквозь мокрым, идти три километра до Сюй Циншаня?

Он открыл дверь машины. Видя, что Се Юй не двигается с места, Шэнь Цы криво усмехнулся —

то ли в насмешку над ним, то ли над самим собой — и опустил глаза:

— Что, даже в таком жалком виде не желаешь садиться в мою...

Договорить он не успел. На его плечо внезапно легла тяжесть. Жар чужого тела мгновенно просочился сквозь одежду. Шэнь Цы вздрогнул и с нескрываемым изумлением оглянулся.

Се Юй обнял его.

Он был в стельку пьян и, кажется, принял Шэнь Цы за какую-то надежную опору, на которую можно навалиться всем весом.

— ...

Се Юй был взрослым мужчиной, крепким и рослым. Его вес был весьма ощутим.

Шэнь Цы, не ожидавший такого, пошатнулся. Он растерянно обернулся, и от его ледяной маски не осталось и следа — на лице читалось лишь полное смятение. Он обхватил Се Юя за талию, не давая ему сползти на землю, и хрипло спросил:

— Что ты делаешь?

Се Юй не ответил. Сознание его было затуманено, он продрог до костей, и когда под руки подвернулось что-то теплое и на редкость знакомое — словно он обнимал это сотни раз, — он просто прижался лицом к чужой шее, пытаясь согреться о живую кожу.

Шэнь Цы замер.

Се Юй был чуть выше него, и то, как он прильнул к нему, напоминало ласку большого домашнего кота. Шэнь Цы помедлил мгновение, а затем осторожно коснулся его волос.

Пальцы мгновенно ощутили ледяную влагу.

В Цзянчэне после дождя всегда становилось невыносимо зябко, а промокшая насквозь одежда холодила не хуже льда.

Шэнь Цы открыл дверь и с трудом усадил Се Юя в салон. Пьяный молодой господин стал мягким, как кошка — он буквально растекся на сиденье. Шэнь Цы пришлось повозиться: он пристегнул его ремнем безопасности, выкрутил обогрев на максимум, а затем достал из бардачка мягкое полотенце и без лишних слов накрыл им голову Се Юя.

Тот приоткрыл веки и воззрился на него с видом полнейшего недоумения.

Шэнь Цы беззвучно вздохнул. Смирившись со своей участью, он начал бережно вытирать мокрые пряди, запуская пальцы в густые волосы.

Постепенно он погрузился в свои мысли. Пять лет назад Се Юй точно так же вытирал ему волосы.

В тот день тоже лил холодный дождь. Когда он поспешно сел в машину Се Юя, он опоздал ровно на две минуты. Шэнь Цы тогда весь внутренне сжался, ожидая выговора, но Се Юй просто накрыл его голову пушистым полотенцем. Шэнь Цы до сих пор помнил его взгляд — точно такой же, как сейчас у него самого: смесь досады и невольной улыбки, словно немой вопрос: «Как ты умудрился довести себя до такого?»

Шэнь Цы вздохнул, отгоняя воспоминания. Он сосредоточился на волосах Се Юя и случайно встретился с ним взглядом. Тот был мертвецки пьян, но сознание еще не покинуло его окончательно. Его медовые глаза были полуприкрыты — казалось, ему очень нравились прикосновения.

...Еще больше стал похож на мурлыкающего кота.

Большой кот лежал в кресле, не шевелясь, и позволял делать с собой всё что угодно: трогать волосы, уши — любую часть тела.

Шэнь Цы на мгновение замер, отведя взгляд от его влажных ключиц, и снова принялся за дело.

С волосами было покончено, но одежда представляла проблему. В машине не было сменных вещей. Шэнь Цы с трудом стянул с него пиджак и с сомнением уставился на рубашку: промокшая ткань неприятно липла к телу, а Се Юй совершенно не желал помогать. Когда его просили поднять руку, он лишь непонимающе хлопал глазами. Просили повернуться — реакция была такой же.

Мозг Се Юя, затуманенный алкоголем, сейчас соображал не лучше, чем у трехлетнего ребенка.

Шэнь Цы за этот день вздохнул уже сотню раз. Словно очищая луковицу, он вызволил Се Юя из мокрой одежды и завернул в сухое полотенце.

Справедливости ради, под тканью скрывалось великолепное тело: рельефные мышцы груди и пресса выглядели безупречно. Это была та самая золотая середина между мощью и изяществом — ни грамма лишнего, но и никакой болезненной худобы.

Однако Шэнь Цы сейчас было не до эстетики. Се Юй весь день провел на кладбище под

ледяным ветром и дождем, и он всерьез опасался, что тот подхватит простуду.

Шэнь Цы выжал сцепление и завел мотор. «Бентли», описав изящную дугу, выехал на горную дорогу.

Пять лет назад он еще не умел водить, но теперь он вел машину уверенно и быстро, балансируя на грани разрешенной скорости.

По дороге Се Юй на мгновение пришел в себя. Перед его глазами всё двоилось, и он принял водителя за какого-то случайного доброго самаритянина.

— Друг, отвези... отвези меня... — с трудом выдавил он.

Шэнь Цы притормозил у обочины и наклонился, чтобы расслышать.

— ...отвези меня в психушку.

Шэнь Цы долго и пристально смотрел на него, прежде чем коротко рассмеяться:

— Не повезу.

Он резко нажал на газ, и «Бентли» со свистом умчался вдаль. Меньше чем через полчаса они уже были у отеля.

Остановившись у входа, Шэнь Цы попытался вытащить Се Юя из машины. Тот обмяк, словно плюшевая коала, и повис на Шэнь Цы, используя его вместо костыля. Когда менеджер отеля поспешил на помощь, Шэнь Цы его остановил.

— Спасибо, — вежливо отказался он. — Не стоит беспокоиться, я сам справлюсь.

Его голос был спокойным и учтивым, а безупречный стиль выдавал в нем благородного человека. Если бы не висящий на нем Се Юй, он выглядел бы образцом элегантности. А так — растрепанные волосы, оторванная пуговица на рубашке и съехавшие на кончик носа очки делали его вид весьма живописным.

Менеджер, в полном недоумении, переспросил еще раз:

— Вы уверены, что помощь не нужна?

Шэнь Цы покачал головой:

— Всё в порядке.

Он дотащил Се Юя до лифта, поднялся на верхний этаж и, уложив его на кровать, сам почувствовал, как взмок. Мужчина быстро привел Се Юя в порядок, умылся сам и переоделся в домашнюю одежду. К тому времени тот уже крепко спал.

Во сне он казался совершенно безобидным: лицо наполовину зарылось в подушку, а одеяло мягко очерчивало линию его щеки.

Шэнь Цы присел на край постели, нахмурившись. Сейчас Се Юй был мертвецки пьян, но завтра он обязательно спросит, как оказался в отеле. Шэнь Цы мучительно подбирал слова, пытаясь придумать достойное объяснение. Он уже собирался позвонить секретарю, чтобы тот привез антипохмельное средство, как вдруг Се Юй завозился, придвинулся ближе и крепко сжал его ладонь.

— ...

На мгновение Шэнь Цы показалось, что он вернулся на пять лет назад.

Это было неосознанное движение, продиктованное телесной памятью. Почувствовав рядом что-то привычное и надежное, Се Юй просто притянул это к себе и обнял.

Несмотря на опьянение, силы ему было не занимать. Шэнь Цы не удержался на краю и повалился на кровать. Его свежевыглаженная домашняя одежда тут же помялась. Се Юй, словно зверь, нашедший удобное место в норе, уютно свернулся вокруг Шэнь Цы, не давая ему пошевелиться.

Он обнимал его слишком крепко, дышать было трудно. Шэнь Цы по привычке попытался отстраниться, но Се Юй вдруг приоткрыл затуманенные глаза и пробормотал, как сонный кот:

— Да не ерзай ты... дай мне тебя обнять...

С этими словами он уронил голову и снова засопел.

Шэнь Цы долго и пристально смотрел на него. Внезапно он уперся ладонью в лоб Се Юя, заставляя того встретиться с ним взглядом.

— Се Юй, кто я?

Тот лишь невнятно замычал, не желая отвечать. Он нахмурился, недовольный тем, что его сон тревожат, и попытался отвернуться.

Но Шэнь Цы не отступал. Он заставил его смотреть прямо себе в глаза:

— Кого ты сейчас обнимаешь? О ком ты думаешь, когда держишь меня?

За пять лет за границей такой бабник, как Се Юй, наверняка не страдал от одиночества. Пять лет назад он ушел, не оборачиваясь, а вернувшись — и вовсе не узнал. Всё, что происходило сейчас, было лишь плодом слабоволия и односторонней привязанности самого Шэнь Цы. Но если Се Юй, обнимая его, представляет кого-то другого, Шэнь Цы не позволит себе пасть так низко.

Се Юй растерянно смотрел на него, с трудом пытаясь осознать вопрос. После долгих расспросов в его затуманенном мозгу что-то щелкнуло, и он прошептал, словно в бреду:

— Ты... ты господин Фарфор.

Рука Шэнь Цы мгновенно разжалась.

...Господин Фарфор?

Конечно, он помнил это слово. То самое стоп-слово, которое они выбрали в их первый же день. Тогда Шэнь Цы воспринимал это как унижительную издевку, не подозревая, что это станет началом его падения.

Се Юй помнил.

Лед во взгляде Шэнь Цы растаял, уступив место растерянности. Напряженное тело обмякло, позволяя Се Юю притянуть его к себе, словно любимую подушку.

Они были так близко, что жар чужого тела казался обжигающим. Прямой, красивый нос Се Юя был в считанных сантиметрах. Шэнь Цы долго смотрел на его губы, а затем, зажмурившись, подался вперед.

Он едва коснулся его рта, украв мимолетный поцелуй с привкусом хвои и алкоголя.

На следующее утро Се Юй проснулся с раскалывающейся головой.

В свое время он был тем еще любителем застолий и мог запросто осушить бутылку водки. К сожалению, с окончанием школы его хмельная удаля испарилась вместе с подростковым бунтарством. Теперь он докатился до позорного состояния «в дрова с одной бутылки».

Лоб ломило, виски пронзала острая боль, а затылок пульсировал так, словно по нему били молотом. Болела каждая клеточка головы. Не рассчитав силы, молодой человек скатился с кровати и рухнул на колени прямо на ковер.

Ворс был густым и мягким. Се Юй привалился спиной к матрасу, зарываясь пальцами в ковровин.

...Ковер?

Его затуманенный разум начал постепенно проясняться, восстанавливая события вчерашнего вечера.

Он должен был быть на кладбище Цюншань, навещать могилу матери оригинала. Потом он выпил... У того алкоголя оказалось чертовски долгое послевкусие: пока сидишь — вроде ничего, но стоило встать и пройтись, как память просто отключилась.

А теперь?

Он огляделся вокруг: роскошный отель, пентхаус, панорамные окна и огромная ванна. За окном сияло яркое солнце, а небо было пронзительно-голубым.

Тот самый люкс, в котором он жил вначале.

Если бы не дата на телефоне, Се Юй решил бы, что он благополучно скончался на кладбище от перепоя и система просто откатила сюжет к начальной точке.

В сознании раздался вкрадчивый голос Системы:

[Хозяин, ты наконец проснулся?]

— Как я здесь оказался?

[Вот именно! Как ты здесь оказался?!]

[Кто тебя привез, что случилось вчера ночью и что ты сотворил с тем, кто тебя спас? Ты вообще ничего не помнишь?]

Она была крайне недовольна тем, что Се Юй «отключился» и оставил её один на один с Шэнь Цы. Её тон был пропитан сарказмом и желчью.

У Се Юя не было сил препираться. Он потер виски и слабым голосом проговорил:

— Откуда мне знать... Голова раскалывается. У тебя же есть эта... как её... система блокировки боли. Включи поскорее.

Казалось, его череп вот-вот взорвется.

[Прости, хозяин, но я могу блокировать только боль, связанную с сюжетом. Например, когда тебе ломают пальцы. А от похмелья я не лечу]

«Бесполезная железка... — мысленно выругался Се Юй».

Отходняк был настолько тяжелым, что у него даже не было сил злиться. Он с трудом выпрямился, бледный как полотно. Крупные капли пота катились по его подбородку, а спина была мокрой от холодного пота.

На этот раз даже электронная помощница сменила гнев на милость:

[Хозяин, тебе очень больно?]

— Еще спрашиваешь, — прохрипел Се Юй, пытаясь отдышаться. Перед глазами всё плыло. Он попытался отвлечься разговором: — Слышь, а ты уверена, что с сюжетной блокировкой проблем не будет?

Несмотря на то что сюжет явно катился к чертям, а поведение Шэнь Цы имело мало общего с оригиналом, Система уверяла, что соответствие канону составляет 65%. Мелких отклонений полно, но основные вехи должны остаться неизбылемыми. Она клялась, что нынешняя ситуация — временное недоразумение и скоро всё вернется в норму.

А если вернется в норму, то впереди его ждет экзекуция с ломанием пальцев. Боль от раздробленных костей невозможно сравнить ни с чем другим. Если в этот момент система даст сбой, Се Юй за себя не ручается.

Система обиделась:

[Я — профессиональный модуль! Не смей сомневаться в моей компетенции. Хочешь, я докажу?]

Вспыхнул голубой виртуальный экран, и нервные окончания на пальцах левой руки словно исчезли.

[Попробуй сам, — холодно предложила она. — Если почувствуешь хоть каплю боли — я проиграла]

— А потом назад вернешь?

[Исправление вывихов — бесплатно]

Когда человеку очень плохо, он инстинктивно ищет способ отвлечься. Кто-то кусает губы, кто-то до боли сжимает кулаки — это дает странный эффект психологического облегчения.

Обливаясь холодным потом от головной боли, Се Юй ухватился за палец, пытаясь сосредоточиться на этой руке. Ощущения были странными: палец казался куском пластилина — мягким, но лишенным чувствительности. Се Юй осторожно надавил в сторону. Послышался сухой хруст, сустав вышел из паза, и палец бессильно повис.

И впрямь никакой боли. Даже сотой доли того мучения, что терзало его голову.

Однако не успела Система вправить сустав на место, как дверь номера с грохотом распахнулась. Металлические петли жалобно взвизгнули под напором силы. Бледный Се Юй поднял взгляд и увидел на пороге Шэнь Цы. Тот замер, его лицо было мертвенно-бледным, а в темных глазах плескалась невыразимая, бесконечная скорбь.

<http://bllate.org/book/15869/1441900>